

Образ Псковской губернии 1882-1904 гг.

в глазах Александра III и Николая II

(по «высочайшим отметкам» во всеподданнейших отчетах губернаторов)

Известно, что в XIX в. губернаторами, генерал-губернаторами, наместниками, градоначальниками, т.е. руководителями регионов и крупных центров неукоснительно соблюдалась практика представления ежегодных отчетов на имя императора о положении дел на вверенных им территориях. Государи получали информацию непосредственно с мест, поэтому имели возможность сопоставить ее с отчетами высшей и центральной бюрократии. Таким образом, предполагалось, что императоры смогут вырабатывать более объективное мнение о положении дел в регионах.

Естественно, что губернаторские отчеты не могли быть достаточно объективны. При составлении отчетов начальник губернии должен был учитывать реакцию не только различных министров (отчеты после просмотра государем поступали в Комитет министров), но и, что важнее, образ мыслей, убеждения и мнения своего непосредственного начальника – министра внутренних дел и, конечно, самого царя. В большинстве случаев губернаторы старались не выносить сор из избы, поэтому в отчетах помещалось гораздо больше положительной, нежели негативной, информации. «Стремясь показать губернии в выгодном для себя свете, губернаторы сознательно умалчивали о целом ряде чрезвычайных происшествий, - замечает М. М. Шумилов, - или же, будучи введены в заблуждение своими подчиненными, непроизвольно завышали, а чаще всего занижали их цифры»¹. Исследователь помещичьего хозяйства Новгородской губернии П.П.Полх, опираясь на материалы Свода сельскохозяйствен-

Ярцев Андрей Анатольевич - докторант кафедры истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института при С.-Петербургском университете

ных сведений за 1894 г., подтверждает это наблюдение М.М. Шумилова при анализе данных по урожайности зерновых в губернии: «Заметим, что губернаторы склонны были рисовать ситуацию в более радостных тонах. Так, в Боровичском уезде в 1877 году по данным губернатора урожай овса составил сам - 3,9 у владельцев и сам - 2,9 у крестьян, между тем как Свод показывает, что средние показатели в пятилетие 1883-1877 годов составляли соответственно сам - 2,8 и сам - 2,4, да и впоследствии пятилетие не приблизились к губернаторским цифрам»².

В данной статье не затрагивается вопрос об объективности предоставляемой императорам информации, ее цель – проследить и понять саму реакцию Александра III и Николая II на содержание отчетов псковских губернаторов, т.е. определить, что наиболее заинтересовало монархов, что вызывало их гнев или радость, какие идеи, мнения и предложения возникали в их головах, какие образы и представления о положении дел в Псковской губернии у них формировались.

Губернаторские отчеты писались по определенной схеме. К началу правления Александра III схема отчета приобрела следующий вид: 1) Земледелие, состояние продовольственного капитала; 2) Промышленность; 3) Народонаселение; 4) Налоги и недоимки; 5) Преступления; 6) Пожары и страховое дело; 7) Медицина; 8) Народное образование. Эти отчеты не были настолько похожи друг на друга как, например, обычные делопроизводственные документы министерств и губернских канцелярий, даже данные, содержащиеся в них, не всегда были сопоставимы. Не существовало четкой традиции их написания: одни отчеты были кратки, другие многословны: одни написаны сухим «канцеляритом», другие были

наполнены эмоциональными оценками и даже не без литературного пафоса. Один губернатор больше внимания уделял хозяйственно-экономическим, другой социально-политическим вопросам, третий с упоением передавал местные слухи и сплетни. Поэтому эти отчеты как исторический источник являются в значительной мере и личностной характеристикой самих губернаторов.

Годовой отчет губернаторы представляли в течение всего следующего года. Как правило, большинство губернаторов успевали составить и отредактировать свои отчеты ближе ко второй половине года. Некоторые из отчетов (особенно это касается отдаленных территорий) поступали спустя два, а то и три года. Каждый лист отчета разделялся вертикальной линией, создающей большие поля почти в половину листа. Это позволяло императору при желании делать многочисленные и многословные пометки параллельно тексту.

В «Свод высочайших отметок» попадали только те фрагменты губернаторских отчетов, по которым император соизволил сделать эти отметки. В обязательном порядке, даже если император не делал отметок или не читал отчета вообще, в своде помещалась таблица «Сравнительные статистические сведения» по каждому региону. Эта таблица включала данные как за текущий, так и за позапрошлый годы, что позволяло проследить динамику изменений по следующим позициям: народонаселение, смертность, годовой прирост населения, количество хлебных запасов (в наличности, долгах и ссудах), сумма местных продовольственных капиталов (в наличности, долгах и ссудах), казенные окладные сборы, земские сборы, выкупные платежи (причислялось к поступлению, взыскано, осталось в недоимке), убытки от пожаров, число врачей, аптек, учебных заведений, учащихся. В Приложениях к каждому тому свода публиковались «Извлечения из объяснений министров и главноуправляющих отдельными частями по Высочайшим отметкам во всеподданнейших отчетах», т.е. краткая информация о том, какие меры были приня-

ты по поводу отметок государя. Складывается впечатление, что Александр III не так тщательно, как хотелось бы его окружению, просматривал губернаторские отчеты, например пропускал некоторые острые места, на которые нельзя было не отозваться. Комитет министров решил взять на себя часть инициативы по изучению отчетов. Поэтому свод за 1886 г. приобрел новый вид. Во-первых, теперь он открывался «Введением» от Комитета министров, где в произвольной форме, ссылаясь на обобщенные мнения губернаторов, давалась характеристика ситуации в различных сферах жизнедеятельности провинции и отмечалась специфика отдельных регионов. Во-вторых, что более важно, Комитет министров дополнил Приложения еще одной рубрикой – «Объяснения губернаторов и начальников областей по вопросам, обратившим на себя во всеподданнейших отчетах **внимание Комитета министров** и состоявшимся по оным положениям Комитета».

Хронологические рамки исследования определяются основным источником, использованным для написания статьи. В 1882 г. впервые была введена практика публикации тех фрагментов губернаторских отчетов, по которым последовали так называемые «высочайшие отметки». Это делалось во многом не столько для того, чтобы побудить соответствующих губернаторов к исправлению отмеченных монархом недостатков («высочайшие отметки» и ранее сообщались каждому губернатору персонально), сколько с целью представить эти отметки в качестве прецедента для руководителей остальных регионов страны.

Вообще гласность действий высших и центральных властей с начала либеральных реформ Александра II нарастала. Сенат по каждому департаменту издавал отдельные многотомные сборники собственных решений, и эти решения, таким образом, приобретали характер общероссийских юридических прецедентов. С 1868 г. правительство предприняло ежегодное издание «Сборника правительственных распоряжений по делам до земских учреждений относящимся»⁷³. Вероятно, в русле появившейся тради-

ции власти решились в 1883 г. и на издание ежегодника «Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за ... год губернаторов, начальников областей и градоначальников». Последний том свода вышел в 1907 г. Он включал в себя отметки Николая II в отчетах губернаторов за 1904 г. В дальнейшем издание свода было остановлено из-за начавшейся Первой русской революции и образования новой системы государственной власти в стране. Приступая к данному изданию, составители свода должны были осознавать некоторую этическую небезопасность публикаций такого рода. Действительно, изучение этих пометок может многое рассказать о мировоззрении Александра III и Николая II, их работоспособности, глубине понимания ими той или иной государственной или местной проблемы.

Записи Александра III отличались немногословностью, он редко подчеркивал заинтересовавшие его места в тексте. В 1883 г. на его рассмотрение поступило 75 отчетов, в которых он сделал 121 пометку по вопросам, проходящим по линии МВД (44), МЮ (14), МНП (14), МГИ (13), МФ (10), МПС (10), Синода (6), Военного министерства (6), Морского министерства (2), Государственного контроля (1), Главного управления государственного коннозаводства (1) и Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии (1). Больше всего он оставлял заметок в отчетах по инородческим или недавно присоединенным территориям. Великокоросским губерниям уделялось с его стороны меньше внимания.

В отчете псковского губернатора М.Б.Пругченко за 1882 г. интерес государя вызвало сообщение о деятельности сельскохозяйственных складов по распространению сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений при содействии земства [подчеркнуто императором – А.Я.]⁴ в Великолуцком, Островском и Псковском уездах. Губернатор докладывал: «Губернское земское собрание последней сессии отнеслось с полным сочувствием к предложениям Общества сельского хозяйства по устройству завода костяного удобрения воз-

ле Пскова. Собрание выразило желание, чтобы местные уездные управы приняли участие в содействии заводчику к распространению сведений между крестьянами об удобрении, в посредничестве их к приобретению сырья и сбыта удобрения», на что Александр написал: «весьма утешительно»⁵. Императора заинтересовало сообщение о том, что «река Великая в расстоянии 10 верст выше Пскова становится уже не судоходной». М.Б.Пругченко отмечал, что ситуация с рекой Великой «побудила Псковское уездное земское собрание ходатайствовать о производстве изысканий и работ по этому поводу». Далее внимание монарха привлекли данные о том, что в псковской временной каторжной тюрьме в течение отчетного года содержалось 326 преступников, из которых умерло 55: «Почему такая смертность?»⁶. На информацию губернатора о том, что Археологическое общество Пскова «издало капитальный труд - дневник, веденный во время осады Пскова Стефаном Баторием, и продолжало делать раскопки и изыскания и изучать псковскую старину», император, как тогда писалось, «наложил собственноручную пафу»⁷, т.е., оставил собственную подпись.

Существовала практика, когда благожелательные отзывы императора сообщались тем лицам и учреждениям, в адрес которых они были написаны. Замечание критического характера передавалось по линии соответствующих министерств или главных управлений. Руководитель ведомства по полученному замечанию составлял отзыв, с которым входил в Комитет министров. Последний принимал окончательное решение по данному вопросу. Краткое изложение самого решения и причин его принятия помещалось в Приложении к каждому «Своду высочайших отметок». В своде за 1883 г. министр внутренних дел Д.А.Толстой объяснил причины смертности в каторжной тюрьме Пскова: «1) Общим неудовлетворительным условием содержания; 2) Свирепствовавшим в псковской тюрьме весной тифа; 3) Изнуренным состоянием арестантов, прибывших из общих тюрем, невозможностью вывода их на внешние

работы, а также затруднительностью устройства внутренних работ; 4) Особой восприимчивостью уроженцев Закавказья, содержащихся в псковской тюрьме». Комитет министров поддержал предложение А.Д. Толстого о скорейшем переводе каторжников в Нерчинский округ и на Сахалин и о закрытии временной каторжной тюрьмы в Пскове⁸. Касательно отметки об ухудшении судоходности реки Великой министр путей сообщения Посыет объяснил, что правлением Санкт-Петербургского округа министерства уже составляется проект улучшения устья реки⁹.

Следующий момент как раз интересен тем, что Александр III вообще не сделал никакой отметки в той части отчета псковского губернатора А.А.Искуль фон Гильденбанда за 1885 г., где сообщалось о патовой ситуации, сложившейся вокруг отмены земских выборов 1882 г. в Порховском уезде. Губернатор докладывал: «При ныне действующих порядках, осуществление действительного контроля за выборными учреждениями почти невыполнимо. Три года тому назад в Порхове при выборе земских гласных допущены были крупные злоупотребления. Предместник мой протестовал, но, по установленному порядку, должен был передать свой протест на обсуждение собрания тех же самых гласных, которых он считал неправильно выбранными. Гласные отказались рассмотреть существо этого протеста. Дело было передано в Сенат, который, признав этот отказ неправильным, предписал гласным собранию обсудить этот вопрос в чрезвычайном земском собрании. Таковое собрание созывалось пять раз, но ни разу не могло состояться, потому что гласные уклонялись от явки». В итоге неправильно избранные гласные продолжали исполнять свои обязанности вплоть до следующих земских выборов.

Действительно, в рамках требований закона, не нарушая ни одной статьи Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г.,¹⁰ гласные Порховского уезда сумели создать опасный прецедент, когда результаты земских выборов, даже при установленных на них явных наруше-

ниях, ни центральные, ни высшие власти в действительности не могли отменить. Пройти мимо такого сообщения было нельзя, однако отчет псковского губернатора за 1885 г. «блистал отсутствием» императорских отметок. Комитету министров пришлось самостоятельно реагировать на это сообщение. 18 ноября 1886 г. комитет своей властью смог только «поставить в известность министерство юстиции и министерство внутренних дел»¹¹.

В следующий раз Александр III проявил интерес к отчету губернатора за 1887 г., где сообщалось о хищническом лове снетков в Псковском озере и реках, в него впадающих. А.А.Искуль фон Гильденбанд отмечал: «Промысел этот, давший когда-то Талабским островам название «золотого дна», нынче с каждым годом падает благодаря хищническим приемам, практикуемым снетколовами. Все это в значительной степени уменьшило экспорт сушеного снетка». Император в этом месте отчета оставил отметку «печально!». «Между тем, снетковый промысел, при рациональном способе ведения его, - продолжал губернатор, - и при безусловном запрещении весеннего лова, мог бы иметь громадное значение для благосостояния местных жителей, так как преимущественно рыболовством занимается в губернии до 7000 душ, а исключительно ловом снетка 4000 рыболовов Талабских островов»¹². 24 мая 1888 г. Комитет министров постановил: псковский губернатор должен сообщить министру государственных имуществ «о тех мерах, которые могли бы быть приняты к устранению хищнических приемов снеткового промысла».

Показательно, что решение этого вопроса не находилось в компетенции губернатора. Более того, ни Комитет министров, ни даже сам царь не приняли самостоятельного решения. Данное дело – одно из тысяч подобных, которое удачно иллюстрирует механизм принятия решений государственными структурами в пореформенной России. В этот исторический период ни одно, даже, казалось, малозначимое или очевидное дело, не рассматривалось в обход четко установленных правил согласо-

вания решения в различных, законодательством установленных, инстанциях. Важной чертой самодержавной формы правления является возможность произвола со стороны монарха, т.е. принятия самостоятельного, единоличного решения, как правило, не опирающегося на законодательные нормы или предшествовавшие юридические прецеденты. Такие возможности в пореформенные годы были для русских императоров весьма ограничены, в том числе и в решениях, принимаемых по материалам губернаторских отчетов. Оставляя пометки на полях, император, таким образом, лишь указывал правительству те моменты, на которые оно должно, по его мнению, обратить особое внимание и принять меры в соответствии с имеющимся законодательством. Так в стране утверждался принцип законности – основы правового государства.

Вообще подаваемая губернаторами не статистическая информация отличалась большим субъективизмом. Начальник губернии мог похвалить или поругать какое-либо местное учреждение, в том числе даже не подведомственное губернатору, например земское собрание или управу, местные филиалы акцизного, соляного, почтового ведомств и т.д. Александр III не отягощал себя просмотром сравнительных статистических данных по другим губерниям, чтобы объективно оценить успехи или неудачи каких-либо местных учреждений, а зачастую поддавался влиянию губернаторских эмоций и прилагал свои отметки. Это замечание, однако, не относится к двум следующим отметкам, так как псковский губернатор сравнивал успехи земских учреждений своей губернии с общероссийскими данными. Александр II 2 июня 1889 г. на отчете псковского губернатора К.И.Пашенко за 1888 г. сделал отметку «утешительно». Губернатор хвалил земство Псковского уезда за высокие результаты в деле развития народного образования: «В то время как в первом [Псковском уезде – А.Я.] число всех обучающихся в уезде детей школьного возраста достигло до 22% для мальчиков и выше 4% для девочек»¹³. Особенно губернатор отметил «распространение между кре-

стьянами любви к чтению в такой мере, что среднее число взятых для прочтения книжек из школьных библиотек достигает ежегодно до 25 тысяч случаев»¹⁴. В 1889 г. губернатор порадовал царя информацией, что уездные земства губернии, особенно Псковское уездное и Опочечское, одни из первых, еще с начала 70-х гг. стали развивать сельские ссудосберегательные товарищества. В результате оказалось, что «Псковское уездное земство стоит особняком даже по сравнению с большинством других земств империи». Александр 23 июня 1890 г. в этом месте отчета оставил последнюю запись: «очень утешительно»¹⁵.

За 1893 г. Александр III успел ознакомиться только с девятью отчетами. Остальные отчеты за этот год попали на рассмотрение Николая II. Новоиспеченный император сразу же проявил бульшую активность в изучении отчетов губернаторов, нежели его покойный родитель. Он много подчеркивал в тексте, оставлял более разнообразными записи: «весьма полезно», «отрадно», «это делает ему честь», «хорошо, так и следует продолжать», «премило – нечего сказать!», «совершенно напрасно!», «Это Мне сильно не нравится», причем положительных реляций гораздо больше отрицательных. Иногда его записи были длинны и язвительны: «Каково? Интересно знать, что за милая личность председательствует в губернском земском собрании? К серьезному вниманию министра внутренних дел»; «Мне с трудом верится, что в дворянском собрании могли происходить подобные безобразные сцены!?» Он старался глубже вникать в суть дела, временами показывал неплохую осведомленность: «Это – наболевший вопрос», «Мне известно про ее плодотворную деятельность» (про организацию некоей Рукавишниковой школы народных кружев в селе Рождествена). Николай II более критически, чем Александр III, относился к содержанию отчетов, иногда он ставил под сомнение сообщения губернаторов: «Так ли?». На отчете калужского губернатора за 1896 г. он написал: «Короткий и правдивый отчет»¹⁶. Видно, что новый император, действительно, с ин-

тересом прочитывал отчеты. 4 июня 1896 г. на обложке отчета нижегородского губернатора Баранова царем была сделана надпись: «Прочел с удовольствием!»¹⁷ Обычно Николай II оставлял в губернаторских отчетах в три - четыре раза больше отметок, чем его отец.

Псковский отчет 1894 г., с которым Николай ознакомился 15 июня 1895 г., в числе других вызвал его повышенный интерес. Все пять записей выражали одобрение действий земских учреждений и устроителей сельскохозяйственной выставки в Пскове. Запись «весьма полезно» была сделана в отношении сообщения губернатора, что «уездные земства, озабочиваясь, чтобы ученики по окончанию курса не забывали пройденного, приступили к организации при некоторых школах воскресных повторительных курсов, давших уже на первых порах удивительные результаты». Император ограничился отметкой «да» в связи с рассуждениями губернатора о важности для губернии развития льноделательных станций. Рассказ губернатора об организации и ходе сельскохозяйственной выставки 1894 г. в Пскове вызвал запись «отрадно». Даже замечание губернатора общего характера о том, что «земство чутко отзывается на все современные требования, содействующие развитию сельского хозяйства в губернии» вызвало отметку «похвально». В разделе «медицина» внимание государя привлекло сообщение о том, что «земством предположено в виду переполнения городской больницы душевнобольных, устройство близ Пскова колонии, состоящей из каменной лечебницы для буйных больных и несколько деревянных барачков для спокойных». Николай приписал: «Благодетельная мера»¹⁸.

Отчет псковского губернатора за 1895 г. Николай II сумел рассмотреть только 27 мая 1897 г.. Губернатор сообщал императору, что Псковское уездное земство подготовило ходатайство о «разрешении применения в уезде выработанных им в особой комиссии новых правил отбывания дорожной повинности смешанным способом (деньгами и натурой)». Данное ходатайство было достаточно типичным и обычным для зем-

ской практики других губерний, тем не менее император вдруг решился на целое предложение: «Меня радует плодотворная деятельность Псковского земства по важному вопросу сооружения дорог». Отчет губернатора за 1896 г. привел императора к менее радужному настроению. Губернатор писал: «В течение двух лет [1895-1896 гг. – А.Я.] крестьянскому населению губернии была оказана продовольственная помощь на сумму до 2.500.000 рублей, не считая позаймствований на тот же предмет из местных капиталов и натуральных сельских запасов». Император с неудовольствием отметил: «Порядочная помощь на одну губернию». На указание губернатора о распространении проказы в Псковском и Островском уездах, занесенной из Лифляндской губернии, Николай II заметил: «На перенос проказы из губернии в губернию следует обратить серьезное внимание». Поэтому, когда губернатор сообщил, что земства и города уже внесли определенные суммы в пользу организованного принцессой Е.М. Ольденбургской «Общества для борьбы с заразными болезнями» для устройства лепрозория, император сделал запись «желательно». Он также подчеркнул ту часть отчета, где говорилось, что шоссевые дороги в губернии окончательно перейдут в ведение земства после соглашения с МПС. Последняя запись была сделана по поводу мало чего значащего пассажа губернатора о том, что «мелиоративные работы по осушке болот приведут к пользе губернского землевладения». Поэтому император и написал: «Очевидно»¹⁹.

18 ноября 1896 г. Николай II на отчете полтавского губернатора за 1895 г. написал: «Рассматривать впредь в Комитете министров поступающие отчеты в связи с прежними моими отметками». В связи с этим распоряжением Комитет министров установил следующие правила: 1) Каждый отчет сопровождался печатной справкой, в которой излагались все предшествующие отметки императора, «относящиеся до возбужденных в сих отчетах вопросов», а также все резолюции и указы, принятые по данным вопросам; 2) В журналах Комитета

министров кратко излагались суждения министров по отметкам государя и само решение Комитета, которое предлагалось на утверждение императора. Кроме того, Комитет министров несколько повысил оперативность рассмотрения императорских отметок. Теперь непосредственно в тексте, сразу же после отметок государя, Комитет министров информировал о стадии рассмотрения дела или даже о его решении²⁰.

25 июня 1898 г. Николай II сделал всего две отметки на отчете псковского губернатора за 1897 г. Обе они касались земских ходатайств. В первом ходатайстве губернские гласные просили «о рассрочке населению долга в общий по империи продовольственный капитал на 5 лет». Николай II и правительство всегда очень осторожно относились к подобным просьбам. Опыт других земских губерний показал, что погашение долга в общероссийский продовольственный фонд проходило с большим трудом, а объемы запрашиваемой помощи только возрастали. Император отметил, что это «очень серьезный вопрос». Комитет министров все-таки удовлетворил данное ходатайство «без начисления процентов под ответственность губернского земства к 1 января 1904 года».

Второе ходатайство Великолукской и Опочецкой городских дум также касалось наболевшей для органов самоуправления проблемы. Дело в том, что земские (1864, 1890 гг.) и городские (1870, 1892 гг.) положения отнесли к обязанностям органов самоуправления расходы на полное содержание или бесплатное квартирное обеспечение ряда местных государственных чиновников. Некоторые из них имели право бесплатно пользоваться земскими почтовыми лошадьми, земскими больницами, фельдшерской помощью и некоторые другие привилегии. Постепенно органам самоуправления удалось переложить часть этих, непопулярных в глазах местного общества, расходов на плечи государства²¹. В данной ситуации думы двух городов Псковской губернии просили освободить их от содержания на городской счет полиции и тюрем (эти учреждения оплачивались городом на

паях с МВД). Николай II написал: «Что предполагается предпринять?» Министр внутренних дел пояснил, что с 1 января 1900 г. все городские поселения освобождаются от расходов на отопление и освещение тюрем. Что же касается ходатайства об освобождении городов от расходов на содержание полиции, то министерство финансов посчитало это пока невозможным по финансовым соображениям, сославшись в том числе и на опыт Европы. Все-таки 7 июня 1899 г. высочайше утвержденным мнением Госсовета Опочка и Великие Луки были освобождены «от уплаты ежегодных пособий казне по содержанию полиции и центральных учреждений министерства внутренних дел в сумме 952 р. и 685 р.» соответственно. Либеральная пресса, да и сами земские собрания постоянно обвиняли правительство в несерьезности его отношения к земским ходатайствам. Земский деятель Новгородской губернии 80-х гг., будущий лидер октябристов в Первой Государственной Думе Н.Ф. Румянцев писал о ходатайствах: «Не давшие никакого результата меры»²². Два данных примера, напротив, демонстрируют очень внимательное отношение царя и правительства к земским ходатайствам.

На отчете псковского губернатора за 1898 г. Николай II оставил достаточно много отметок. Очередное размышление губернатора о необходимости устройства льнопрядилен в губернии получило резолюцию «да». Повторно был поднят вопрос и о хищничестве в лове рыбы в губернии. Император выразил удивление: «Разве не существует правила, регулирующего лов рыбы, как на Волге?» Министр государственных имуществ пояснил, что, несомненно, есть общие правила, которые действуют и по отношению к Псковскому и Чудскому озерам. В частности, он указал, что местная полиция, а также депутаты от рыбных товариществ имеют право отбирать и уничтожать запретные орудия лова, а пойманных браконьеров подвергать суду. Надо полагать, что на деле решить эту проблему мешала традиционная для русского менталитета низкая законопослушность и исполнительность населения.

Далее интерес императора вызвала такая не менее традиционная русская тема, как пьянство. Губернатор сообщал, что последствиями питейной реформы, запретившей употребление спиртного в закрытых помещениях (кабаках и трактирах), стало массовое пьянство на улице, «особенно в базарные дни». Николай II записал: «слышал об этом». Свои пояснения представили министр финансов О.Ю.Витте и министр внутренних дел И.Л.Горемыкин. Первый полагал, что надо подумать об ужесточении мер в отношении пьяниц: «Так, в то время как в иностранных государствах всякий случай пьянства на улице строго карается, у нас закон к подобным явлениям относится весьма снисходительно». И.Л.Горемыкин объяснил, что «применение их [мер – А.Я.] на практике в большинстве случаев весьма затруднительно». Мотивация такого вывода может показаться неожиданной для современного читателя, привыкшего к стереотипной оценке «суровости» российского самодержавного режима. Министр писал, что любое наказание, в том числе, например, и за пьянство на улице, «требует судебного разбирательства, что не дает полиции права самой принимать в сем отношении должные меры». Поэтому И.Л.Горемыкин предложил только лишь предоставить полиции право «немедленного удаления появившихся в публичных местах в пьяном виде»²³.

Следующая проблема была инициирована совместным ходатайством городской думы Пскова и губернского земского собрания о строительстве за государственный счет железнодорожного моста через реку Великую. Губернатор силой собственных аргументов поддержал это ходатайство, что заставило императора сделать даже две отметки: «очевидно» и «что предполагается сделать?»²⁴ Комитет министров достаточно оперативно откликнулся на эти отметки. И.Л.Горемыкин указал, что данный вопрос был поднят еще в 1870 г. Тогда министерство путей сообщения выступило «за», министр же финансов отказал по обычной причине отсутствия средств. В данной ситуации министр финансов предложил земству взять на себя расходы по

строительству моста. Министр внутренних дел возразил, что выделение из земского бюджета губернии суммы в 400.000 руб. связано с большим риском, поэтому «сумму эту земство ни в коем случае не может принять на свой счет». В конечном итоге было решено для начала «предоставить земству и городу особые источники дохода ... взимание сбора за проезд», что позволило бы собрать необходимый начальный капитал²⁵.

Внимание монарха привлекло сообщение о деятельности уникальной даже в масштабах страны медицинской организации «Летучего глазного отряда попечительства о слепых»²⁶. Николай приписал: «Добрая помощь», а на предложение губернатора командировать этот отряд в соседние губернии добавил: «Следовало бы»²⁷.

Свод за 1899 г. по неизвестным нам обстоятельствам издан не был. Отчет же псковского губернатора за 1900 г. вызвал огромный интерес царя, который просмотрел его в начале 1902 г. На обложке отчета была оставлена уникальная надпись: «Прочел с удовольствием правдивый и добросовестный отчет князя Васильчикова»²⁸. Посмотрим, что же так порадовало в своей правдивости императора. На удивление, государь оставил не так много отметок на обрадовавшем его отчете. Губернатор Б.А. Васильчиков сообщал: «Евреи, сосредоточив свое внимание по преимуществу на лесных богатствах губернии и полностью монополизировав лесную торговлю, задались целью стать крупными землевладельцами, и есть основания опасаться, что на развалинах дворянского землевладения возникает еврейское; так, в Торопецком уезде, некогда изобиловавшем богатыми дворянскими поместьями, теперь евреям принадлежит земли более, чем дворянам». Неизвестно, насколько объективной была информация губернатора, но она буквально напугала Николая II. Он оставил сразу две записи: «Вопрос чрезвычайной важности. Министрам внутренних дел, юстиции и финансов остановить этот наплыв»; «Все это напоминает мне Смоленскую губернию». Новый министр внутренних дел Д.С.Сипягин доложил, что по этому вопросу будет создано

особое совещание для представления законопроекта в Госсовет²⁹.

Далее Б.А.Васильчиков сообщал о проведенной им ревизии подведомственных ему уездных учреждений. Он отметил «стремление чиновников к так называемой отписке», т.е. предоставлению формальной или непроверенной информации. Губернатор пришел к неутешительному выводу, что «результаты, получаемые в городах и, в особенности, в деревнях в деле ограждения государственного и общественного порядка, защиты личной безопасности, предупреждения и раскрытия преступлений, являются крайне неудовлетворительными», на что Николай II оставил достаточно серьезную отметку: «Вопрос общий. Эти порядки требуют коренной реформы». Новый министр внутренних дел В.К.Плеве ответил достаточно обобщенно: «Уже обращено должное внимание»³⁰.

Следующее высказывание Николая II неоднократно цитировалось в исторической литературе. Хорошо знакомый ему придворный, а теперь псковский губернатор Б.А.Васильчиков весьма критически отзывался об общине: «Община может быть терпима как наследие старины, но не заслуживает дальнейшего распространения... Община, приведшая к тому, что чуть ли не ежегодно миллионы земледельческого населения нуждаются в государственной помощи для своего пропитания». Несмотря на то, что император вроде бы согласился с губернатором, тем не менее его резолюция имела в целом отрицательный характер: «Все это так, но я никогда не решусь покончить с общиной одним почерком [имелось в виду – росчерком пера – А.Я.]»³¹.

Известно, каким нападкам в либеральной, тем более демократической прессе подвергались земские начальники. В общественном мнении доминировала точка зрения, что само существование этих низовых агентов администрации, обладавших некоторой долей как распорядительной, так и судебной власти, при формально-юридическом подходе несовместимо с принципом разделения властей и, таким образом, с правовым государством. В обществе возникли

серьезные ожидания отмены этого административного института. Во многом под прессом общественного мнения местные деятели не выказывали большой охоты занимать эти должности. Подобрать кандидатов становилось все труднее; кроме того, закон требовал наличия у земского начальника высшего образования³². Для решения этой проблемы Б.А.Васильчиков предложил увеличить содержание земским начальникам, на что царь сделал запись: «Мною даны указания по этому министру внутренних дел»³³.

Николая II заинтересовали рассуждения псковского губернатора о ситуации, сложившейся с дворянскими собраниями, которые также подвергались все большей критике в либеральной прессе как отживающие свой век сословные институты. Губернатор предложил создать особый государственный фонд для поддержки дворянских собраний и особенно их предводителей. В.К.Плеве указал, что бывший министр внутренних дел Д.С.Сипягин создал специальную комиссию «для предварительного рассмотрения вопросов об усовершенствовании дворянских учреждений и обеспечения преимуществ дворянского сословия в области государственной службы». Однако на предложение псковского губернатора В.К. Плеве прямо отказал, указывая на то, что «безвозмездность службы является основой того авторитета, которым предводительская должность пользуется в местном управлении».

Ряд отметок императора менее значим. Уже по третьему разу он ознакомился с мнением губернатора о необходимости постройки железнодорожного моста через реку Великую, тем не менее все-таки подчеркнул это место в отчете. В результате министр внутренних дел дипломатично парировал: «Вопрос в 1898 году уже составлял предмет обсуждения Комитета министров»³⁴. Николай II подчеркнул витиеватый пассаж губернатора о том, что «отсутствии должного понимания общественных нужд и желания подчинять им выгоды отдельных личностей составляет, к сожалению, черту, резко отличающую городские

органы самоуправления от земских». Б.А. Васильчиков отметил заботу земств о постройке подъездных путей к железнодорожным веткам, на что Николай II сделал запись: «Весьма полезно»³⁵.

Несомненно, особое отношение Николая II к данному отчету было связано с его особой приязнью к личности новоиспеченного псковского губернатора Б.А. Васильчикова. Создается впечатление, что сам губернатор постарался угадать настроения Николая II. Во всяком случае, Б.А.Васильчиков высказал такие убеждения (о земских начальниках, предводителях дворянства и дворянских собраниях, городских органах самоуправления, евреях), которые шли вразрез с общественным мнением, но которые явно понравились государю.

5 июня 1903 г. Николай II рассмотрел оба отчета псковского губернатора за 1901 и 1902 гг. Как сами отчеты, так и записи императора ярко отразили усиление социального напряжения в псковской деревне, распространение демократических и революционных идей в губернии. Губернатор докладывал, что в Торопецком уезде возник конфликт «между землевладельцем и крестьянами Николаевского сельского общества, в течение многих лет пользовавшихся по словесным договорам с землевладельцем занадельными землями под видом аренды». Губернатор полагал, что «необходимо всеми средствами содействовать проектируемой землевладельцем продаже крестьянам той земли, на которую они стали извлекать претензию». Однако землевладелец запросил слишком высокую цену на землю, поэтому Крестьянский банк затормозил сделку. Император написал: «Безобразие. К министру внутренних дел». Министр внутренних дел О.Ю.Витте, однако, не побоялся поправить монарха, указав, что «в действиях своих управление Крестьянского банка нисколько не отступило от постановлений устава оно, обязывающего банк входить в подробное обсуждение вопроса о соответствии всех условий предполагаемой сделки и в числе их, прежде всего, покупной цены выгодам крестьян»³⁶.

Следующее сообщение губернатора

вызвало сильное раздражение Николая II. Губернатор писал: «Бывшие крепостные крестьяне помещицы Пешуровой, пользовавшиеся со времени освобождения крестьян по словесным арендным договорам так называемыми обрезными землями, возбудили по наущению подпольного адвоката перед Псковским окружным судом ходатайство о присуждении обреза в их собственность». Суд, не вызывая в качестве ответчицы помещицу Пешурову, решил дело в пользу крестьян. Император оставил следующую запись: «Возмутительный приговор суда. Требую немедленного расследования». Губернатор расширил свое обвинение судебной системы вообще: «Практика местных судебных учреждений настолько обильна подобными же случаями присуждения явно захваченных крестьянами земель в их собственность, что это обстоятельство было отмечено состоящим при местном земстве экономическим советом». Николай II заключил: «Настаиваю, чтобы деятельность административных и судебных учреждений шла рука об руку». И в данной ситуации министр не встал на сторону государя. Министр юстиции статс-секретарь Н.В.Муравьев указал, что Псковский окружной суд на самом деле не допустил нарушения закона, так как такие дела могут решаться в одностороннем порядке – «по односторонним ходатайствам просителей». Сенат поддержал мнение министра, указав, что Пешуровой предоставлено право в течение десяти лет подать протест на решение суда. Для успокоения монарха Сенат постановил создать специальную комиссию под руководством сенатора Завадского «для пересмотра законоположений по судебной части»³⁷.

Далее губернатор высказал мнение о ненормальности того положения вещей, когда школьный учитель «в течение нескольких лет пребывания в учительской семинарии, вкусив плоды современной провинциальной цивилизации, по возвращении своем в деревню, получая за свой труд в большинстве случаев не свыше 300 рублей в год, сразу же становится в неопределенное положение человека, оторванного

от своей среды и не обладающего достаточными средствами». Николай II не нашел ничего лучше, как ответить на это: «Желал бы больше видеть побольше учительниц в народных школах».

Известно, что Псковская губерния была местом ближней ссылки для оппозиционеров. На этот момент и указал губернатор: «В отношении развития пропаганды среди местной учащейся молодежи нельзя не отметить значительного вреда, причиненного практиковавшейся за последние годы в широких размерах системою высылки из университетских городов в губернии, и в том числе в Псков, лиц, замешанных в студенческих беспорядках». Император наложил резолюцию: «Обращаю особое внимание министра внутренних дел». В.К.Плеве, однако, пояснил, что под гласным надзором в Псковской губернии такие лица на 1902 г. не состояли, под негласным надзором «их было всего восемь человек»³⁸. Представляется, что министр внутренних дел явно недооценивал уровень революционных сил в губернии. Социал-демократ П.Н. Лепешинский, получивший по рекомендации В.И. Ленина (как автора «Развития капитализма в России») место в статистическом бюро Псковского губернского земства, отмечал, что в составе только этого бюро на 1902 г. были сплошь люди революционно-демократического направления, среди них, например, социал-демократы А.М.Стопани, Л.Н.Невский, П.А.Красиков, народный социалист А.В.Пешехонов, пресловутый, с позволения сказать «марксист», П.Клейнборг, народник М.В.Беренштам, «фанатичный рабочемыслец» Н.Н. Лохов³⁹.

Единственная отметка царя затрагивала не политическую, а хозяйственную проблему. Губернатор сообщал о понижении качества шоссежных дорог, находящихся в ведении МПС. Причина этого лежала в том, что широкое железнодорожное строительство снизило значение шоссежных дорог как «больших артерий». Обычно земство принимало в свое хозяйство от МПС такие дороги. Теперь «земство вынуждено было приемкой их остановиться». Импера-

тор поинтересовался: «Почему произошла приостановка?» Рассмотрение поднятого вопроса было направлено в МВД и МПС⁴⁰.

Свод за 1903-1904 гг. Николай II рассмотрел 11 января 1905 г. Как ни странно, в обоих отчетах губернатора почти не было политических моментов. Казалось бы, император вернулся в ситуацию 90-х гг. прошлого века. В который раз губернатор просил «о воспреещении весеннего лова снетков», на что была получена резолюция «поторопиться». 13 февраля Совет министров наконец-то внес проект Устава рыболовства в законодательные учреждения. Вслед за губернатором император признал «неудобным» отсутствие в Опочецкой, Торопецкой и Холмской тюрьмах надзирательниц для осмотра женщин-арестанток. Министр юстиции С.С.Манухин пообещал решить этот вопрос⁴¹.

Остальные отметки были сделаны на отчете 1904 г., три из них были связаны с вопросом роста крестьянского землевладения. Мы видим, как еще до столыпинской аграрной реформы власти пытались предпринять различные паллиативные меры для решения крестьянского земельного вопроса. Губернатор предлагал «в видах облегчения крестьянам выхода из общины... предоставить Крестьянскому банку... право принимать в залог как надельные земли, так и право на землю, то есть выдавать ссуду под землю, составляющую часть участка». Николай II посчитал, что «вопрос этот заслуживает внимания». Предложение губернатора ушло на рассмотрение в министерство финансов и министерство земледелия и государственных имуществ. Губернатор докладывал, что губернское земское собрание возбудило ходатайство «об устройстве торгов на казенный лес взамен полицейских управлений при волостных правлениях, расположенных близ продаваемых участков, а равно и об ограничении права покупки в одни руки двух участков». «Меру эту следует осуществить без промедления», - отреагировал император. На упоминание губернатора о неточности межевания в губернии Николай II ответил: «Межевое дело нужно было упорядочить». Один вопрос

был поднят губернатором в связи с начавшейся русско-японской войной. Он отмечал, что «при мобилизации количество и качество вагонов не вполне соответствует необходимости». Император отозвался: «В будущем подлежит устранить этот недостаток»⁴².

Знакомство с отметками Александра III и Николая II на отчетах псковских губернаторов позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Александр III относился к этим отчетам менее внимательно, чем позже его наследник, не вникал глубоко в суть дела, даже не всегда прочитывал их. Это заставило Комитет министров в 1896 г. принимать самостоятельные решения по тем, действительно значимым, указаниям губернаторов, которые пропускал Александр. Как правило, отметки, оставленные Александром, были весьма кратки. Наиболее распространенными его высказываниями были «утешительно» и «к министру внутренних дел». Николай II был гораздо более инициативен, его реплики оказались более осмысленными и разнообразными. Он старался вникать в суть дела, но говорить о глубоко понимании им затрагиваемых в отчетах проблем не всегда можно. Отметок положительного характера императоры оставляли больше, чем критических. В первые два-три года своего царствования Николай выглядит особенно восторженным. В начале XX в. в связи с ростом освободительного движения император проявил повышенную эмоциональность, некоторую нервозность, временами сильное раздражение, что не было свойственно ему в предыдущие годы.

Как губернаторы, так и императоры обратили много внимания на деятельность

земских органов самоуправления. В их отчетах временами чувствуется недоверие и подозрительность по отношению к земству, но все же большинство реакций государей по поводу деятельности земств носили положительный характер. Гораздо меньший интерес как губернаторов, так и императоров вызвали органы городского самоуправления. В целом отметки императоров касались различных сфер хозяйственно-экономической, социальной и политической жизни Псковской губернии.

Все отметки, сделанные государями, были рассмотрены в различных инстанциях по принадлежности, иногда сами императоры адресовали заинтересовавшие их сообщения в какое-либо министерство или ведомство. Государственная власть не представляла собой единого лагеря реакции по отношению к местному обществу, земству, крестьянству и т.д. Все предложенные императорами к вниманию вопросы решались в строгих рамках имеющегося законодательства. Министры могли не согласиться с государем, если опирались на четкие законодательные нормы. Отметки императоров не решали дела по существу: ни Александр III, ни Николай II практически не принимали окончательных, самостоятельных решений, за исключением второстепенных дел об объявлении благодарности и других «монарших милостей». Анализ «высочайших отметок» Александра III и Николая II в отчетах псковских губернаторов показывает, что императоры не отдавали каких-либо надзаконных распоряжений, с их стороны не наблюдалось тех действий, которые было принято называть бюрократическим или самодержавным произволом.

Примечания

1. Шумилов М.М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX века. Л., 1988. С. 74.
2. Полх П.П. Помещичье хозяйство Новгородской губернии в конце XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001. С. 109.
3. Сборник правительственных распоряжений по делам до земских учреждений относящимся. Издание ежегодное. СПб., 1868-1890.
4. В дальнейшем фрагменты текста, подчеркнутые императорами в губернаторских отчетах, соответствуют подчеркнутым фрагментам в данной статье.
5. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1882 г. губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб., 1883. С. 194.
6. Свод .. за 1883 г. С. 195.
7. Там же.
8. Там же. С. 211, 212.
9. Там же. С. 212.
10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи – II. Т. 39. №40457. Ст.ст. 15 – 53.
11. Свод ... за 1886 г. ... С. 295-296.
12. Свод... за 1887 г. ... С. 18-19.
13. Например, в богатом Харьковском земстве эти показатели были кратно ниже: 5% обучающихся мальчиков, 0,3% девочек.
14. Свод ... за 1888 г. ... С. 16, 18.
15. Свод ... за 1889 г. ... С. 15.
16. Свод ... за 1896 г. ... С. 30.
17. Свод ... за 1894 г. ... С. 162.
18. Свод... за 1895 г. ... С. 193-195.
19. Свод ... за 1896 г. ...С. 187-188.
20. Там же. С. I.
21. См. об этом: Ярцев А.А. Земство и государственная власть в 1864 – 1890 гг. (на материалах северо-западных губерний) // Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001. С. 57 – 61.
22. РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 1282, оп. 2, д. 11, л. 34.
23. Свод ... за 1898 г. ... С. 101-103.
24. Там же. С. 104.
25. Свод ... за 1898 г. ... С. 165.
26. См. об этом: Гарбузова С.О. «Летучий офтальмологический отряд» // Псков. 1997. №. 6.
27. Свод ... за 1898 г. ... С. 106.
28. Васильчиков Борис Андреевич - князь, шталмейстер Двора его императорского величества, действительный статский советник, представитель высшей придворной камарильи Николая II.
29. Свод ... за 1900 г. ... С. 78-79.
30. Там же. С. 80.
31. Свод ... за 1900 г. ... С. 81.
32. Заметим, что к началу 90-х годов XIX века даже среди губернаторов было только 69% лиц с высшим образованием. См.: Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. //Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX – XX веков. СПб., 1999. С. 80-82.
33. Свод ... за 1900 г. ... С. 81.
34. Там же. С. 82.
35. Там же. С. 82, 83.
36. Свод ... за 1901-1902 г.г. ... С. 36-37.
- 37 Там же. С. 38-39.
38. Свод ... за 1901-1902 гг. ... С. 40.
39. Лепешинский П.Н. На повороте. Пг., 1922. С. 119, 123.
40. Свод ... за 1901-1902 г.г. ...С. 42.
41. Свод ... за 1903-1904 гг. ... С. 42, 43.
42. Свод ... за 1903-1904 гг. ... С. 45.